

Семейные узы

Тору Мотидзуки

После их недавнего разговора с Яреци и данного обещания встретиться с матерью Тору не стал надолго оттягивать непростой разговор с Мотидзуки Чиеко и, несколько раз попросив девушку быть аккуратнее во время его отсутствия, отправился на встречу с женщиной, так и не ставшей для него по-настоящему близким человеком. Дверь в родительский дом снова открыла Фуэми, вызывая, тем самым подозрение, что она как собака караулит тех, кто собирается вторгнуться на ее территорию, и старается уже одним своим видом вызвать у них желание сразу отправиться восвояси. На этот раз все попытки жены брата навязать ему неприятный разговор Тору проигнорировал, чем вызвал чуть ли не смертельную обиду с ее стороны. Но, совершенно не позаботившись о нанесенном ее чувствительной натуре уроне, он не без труда выяснил, что мать сейчас находится на кухне и отправился прямо туда, не ожидая в гостиной, пока на его приход соизволят обратить внимание.

Мотидзуки Чиеко действительно оказалась на кухне, занимаясь тем, что обсуждала с одной из приходящих наемных работниц детали обеда. Когда-то она сама справлялась с многочисленным грузом домашних забот, но, находясь уже в своем не самом юном возрасте и не надеясь только на помощь Фуэми, решила эту проблему простым и очевидным способом, тем более нынешнее благосостояние семьи Мотидзуки позволяло себе практически любые вольности.

Несмотря на свою решимость, оказавшись напротив этой твердой женщины с непроницаемым взглядом, Тору не сразу нашел, что сказать, ограничившись простым приветствием. Эта была извечная проблема из отношений, обозначившаяся, когда ему не перевалило и за десять лет - когда дело доходило до конкретного разговора, они с матерью долго смотрели друг на друга, а затем отделивались формальными фразами и расходились в разные стороны. Но не для того он прилетел с другого конца света, рискнув привезти с собой и познакомить с семьей любимую девушку, чтобы сейчас закончить все на том же, на чем и обычно.

Путеводная Нить

После визита сына со своей, так называемой, невестой, Чиеко много раз спрашивала себя верно ли она поступила, начав знакомство с дорогим для Тору человеком со столь непростого разговора. Она не сомневалась, что сын на нее разозлится, когда узнает о его содержании. Чиеко видела выражение его лица, когда Яреци вернулась в дом с красными от слез глазами. В тот момент он был готов выйти за дверь и больше никогда не возвращаться, но все же невероятным усилием воли смог себя от этого поступка удержать, подтверждая, что стал намного взрослее и разумнее, чем раньше. Поэтому Чиеко надеялась, что даже узнав подробности их разговора, он найдет в себе мудрость понять причины ее поступка.

Появление Тору на кухне не стало для нее неожиданностью. Она слышала, как звонили в дверь и сразу почувствовала присутствие в доме сына, как будто от этого изменилась общая атмосфера. В этом Тору тоже походил на отца, создававшего вокруг себя особую ауру присутствия, которую она с легкостью улавливала на

расстоянии нескольких метров.

- Минуту, - Чиеко закончила давать распоряжения по поводу обеда и только потом подняла глаза на сына. - Признаться, я думала, что ты придешь на пару дней раньше. Но здесь неподходящее место для разговоров. Пойдем в кабинет Рэна. Там не будет лишних ушей.

В первую очередь она имела в виду Фуэми, никогда не упускающую возможность что-нибудь подслушать, а потом использовать полученную информацию в своих целях. Рюхей был на работе, да и он до сих пор не решался использовать кабинет отца в своих целях, считая его чем-то вроде священного места.

- Ты зол на меня из-за того разговора с твоей подругой? - Как только они оказались в небольшом кабинете, где все осталось так, как было при жизни Рэна, Чиеко сразу перешла к делу, не тратя время на пустые формальности. - Могу понять твое недовольство, но, как ты сам знаешь, она очень юна, и подобные отношения у меня как твоей матери не могли не вызвать опасений.

Чиеко предвидела град критики, который посыпется в ее адрес из-за последних слов и уже успела к ней подготовиться. Что бы ей ни сказал сын, после стольких лет жизни вряд ли он мог ее чем-то удивить.

Тору Мотидзуки

В этом была вся мать - что бы не происходило, она сначала заканчивала с насущными делами, а уже потом уделяла внимание чему-то малозначительному, как, например, приход сына, с которым виделась второй раз за десять с лишним лет. Но Тору уже привык к этим ее особенностям, делающим ее в первую очередь женой и хозяйкой, а только потом матерью.

Мать предложила пойти в отцовский кабинет, и Тору молча пошел за ней следом, удивляясь тому, что за прошедшие годы дом не претерпел практически никаких изменений, словно застыл в том времени, каким он, когда по нему еще ступала нога младшего сына семьи. Мотидзуки. Особенно это было заметно по кабинету отца. Все тот же массивный письменный стол, многочисленные книжные стеллажи и семейные фотографии на стенах, на некоторых из которых он с удивлением обнаружил собственную персону с постоянно хмурым лицом, хотя и был уверен, что отец снял эти фотографии после их последнего разговора.

- Что-то за прошедшие десять лет, у тебя не возникало опасений по поводу с кем я живу и чем занимаюсь. - Слова матери заставили его отвлечься от разглядывания фотографий и ответить полным обиды, смешанной с раздражением, голосом. - А тут стоило мне появиться, так ты сразу начала проявлять заботу, вмешиваясь в мои отношения с человеком, рядом с которым я впервые за долгие годы почувствовал себя по-настоящему счастливым. Есть ли у тебя на это право?

Тору почувствовал, что начинает терять над собой контроль, так что постарался взять себя в руки и продолжил высказывать свои мысли относительно спокойным тоном.

- Я знаю, что Яреци намного моложе меня, догадываюсь о возможных последствиях, но меня они не пугают. Может ли она от меня уйти? Конечно. Но может и остаться, и при этом не чувствовать себя несчастной. Будут ли вокруг нее появляться мужчины лучше и моложе меня? Естественно. Но это еще ни о чем не говорит. Выбор всегда будет за ней, и почему ты думаешь, что она сделает его не в мою пользу? Ты же тоже всегда выбирала отца, хотя я догадываюсь, что жить с ним временами было невыносимо. Но ведь почему-то ты это делала. И я уверен, что основная причина здесь была не только в детях и финансовом вопросе.

Тору замолчал, пристально глядя на мать. Наверное, сейчас он сказал ей больше, чем за иные месяцы. И, выплеснув то, что ему так хотелось, не проявляя при этом должного почтения, он почувствовал некоторое облегчение, словно сбросил часть груза, накопившегося за последние годы на его плечах.

Путеводная Нить

Как она и ожидала, в голосе Тору прозвучала обида. Как бы он ни пытался показать, каким самодостаточным является, Чиэко чувствовала, что где-то в глубине души ее сына сохранился маленький мальчик, не готовый простить родителей за то, что у них всегда находилась тысяча вещей важнее, чем он сам. И в этом, в первую очередь, была ее вина, которую она уже и не надеялась когда-нибудь искупить полностью.

- Справедливо, - слова давались Чиэко тяжело, и она, как никогда, чувствовала свой возраст, но старалась, чтобы навалившаяся усталость никак не отразилась внешне, продолжая стоять все так же прямо и не пытаясь на что-нибудь опереться. - Я была не самой лучшей матерью и поэтому не имею права учить тебя жить. Но я всегда была хорошей женой, поэтому слова, адресованные твоей подруге, имели под собой серьезное основание. Ты хочешь понять, почему я жила с твоим отцом, хотя он очень непростой человек? Я могу на это ответить. Для себя я давно определилась, что для женщины все потенциальные партнеры делятся на две неравные группы: большинство мужчин может стать ее мечтой, и лишь единицы - ее жизнью. Рэн, несмотря ни на что, был моей жизнью, а глядя на Яреци, мне кажется, что ты для нее - не более чем красивая мечта. А мечты прекрасны ровно до того момента, пока они не перестали быть мечтами. Хотя, конечно, я могу и ошибаться.

Как бы ей ни хотелось отвести глаза, чтобы не видеть пронзительный взгляд Тору, который, конечно, не желал соглашаться ни с одним ее словом, она этого не сделала. Чиэко знала, что он не отступит, чтобы там она ни сказала, но ей не хотелось когда-нибудь узнать, что его красивая история любви закончилась тяжелым разочарованием. Хотя, она, наверное, себе льстила, ибо никто не мог гарантировать, что ее и без того длинная жизнь не оборвется в любой момент.

- И ты неправ, считая, что твой отец был настолько тяжелым человеком, что жизнь с ним могла казаться невыносимой. Вы постоянно ругались, ты ненавидел этот дом...

- Чиэко обвела глазами нехитрую обстановку кабинета. - А думал ли ты когда-нибудь, почему он так за него цеплялся и отказывался продавать, даже когда дела шли совсем плохо?

Взгляд сына продолжал говорить о нежелании воспринимать ее, как человека,

имеющего право давать советы или даже высказывать свое мнение, так что Чиико, если уж не могла изменить его отношение к себе, хотела, чтобы тот посмотрел на своего отца с той стороны, с которой так и не смог при его жизни.

Тору Мотидзуки

Если где-то в глубине души Тору и чувствовал, что слова матери не лишены разумности, он старался не показывать этого даже самому себе. А потому ее красивые рассуждения на тему выбора мужчины были признаны ненужной лирикой, не имеющей отношения к его истории с Яреци. Никто сейчас не мог сказать, кем он там являлся для девушки, а многочисленные гипотетические возможности его совершенно не интересовали. Его волновало только одно - он любил Яри и хотел быть с ней рядом, а все, кто был против этого, автоматически попадали в категорию его противников, даже если речь шла о его собственной матери.

Мотидзуки Чиико можно было обвинить в чем угодно, но уж никак в неумении чувствовать что, когда и на какую тему стоит говорить. По его взгляду она поняла всю бессмысленность своих попыток что-то ему доказать или хотя бы заставить задуматься на предлагаемую ей тему и, поскольку продолжать говорить о своих материнских ошибках, она явно не хотела, решила уцепиться за его слова об отце, которому уже невозможно было предъявить претензии. Хотя перевод темы с трудности их совместной жизни, на отношение отца к здоровенному монстру, называемому домом, показался Тору немного странным и нелогичным. Но у матери, наверняка, имелись свои, пока неясные мотивы.

- Насколько я знаю, он с родителями жил в небольшой квартирке, и такой огромный дом всегда был его мечтой. Но для меня все равно остается загадкой, зачем тешить свое эго такой махиной, когда ты уже далеко не ребенок и хорошо понимаешь, что не в состоянии ее содержать. Я тогда еще был совсем маленьким, но хорошо помню, как Рюхей, когда учился в колледже, страдал из-за каждой потраченной йены, в то время, как это громадина стояла и пожирала все появляющиеся деньги. И пусть у семьи сейчас достаточно средств на несколько таких домов, я все равно не понимаю, зачем стоило идти на все эти жертвы.

Тору не сомневался, что его ответ не понравился матери, но за прошедшие годы его мнение по этому вопросу так и не изменилось, и он не боялся высказаться прямо и в очередной раз кого-то разочаровать.

Путеводная Нить

Слушая сына, Чиико с трудом удерживалась от печального вздоха и в который раз задавалась вопросом, почему Рэн не мог хоть раз нормально сформулировать свои мысли, считая, что все должны прекрасно понимать его и так. А ведь с этой нелегкой задачей могла справиться только она, с учетом прожитых вместе лет. Хотя, возможно, этим своим пониманием она его и разбаловала, снимая необходимость лишней раз что-то объяснять и давая ему возможность переносить опыт своего супружеского общения на отношения с сыновьями, оказавшимися не настолько понятливыми и терпеливыми, как его жена.

- Ты прав, считая, что корень любви Рэна к этому дому кроется в его детстве, но ты ошибаешься в самом главном. Да, его родители были бедны и умерли задолго до

того, как он успел “встать на ноги”, но причиной покупки этого дома являлось совсем не желание доказать, что он теперь достаточно богат, чтобы себе это позволить. В детстве и юности Рэн страдал от одиночества и мечтал о большой семье, которая всегда будет с ним рядом. Когда он выбирал дом, то думал не только о своих детях, но и внуках, мечтая, чтобы каждому здесь могло найтись место, даже если бы все приехали в его дом одновременно. Каждого, кто носит фамилию Мотидзуки в любой момент были готовы принять под этой крышей, и даже твоя комната до сих пор осталась в том же состоянии, что и при тебе, ожидая возвращения своего хозяина.

Очередной приступ резкой боли в спине, ставшей с возрастом приходить к ней все чаще, заставил ее ненадолго прерваться и сделать вид, что это пауза планировалась изначально. Чиэко ненавидела свою немощь и не считала, что должна показывать ее перед сыном, вызывая к себе жалость. Она хотела, чтобы если Тору когда-нибудь нашел в себе силы, чтобы принять свою мать, то ею стала бы сильная уверенная в себе женщина, а не дряхлая старуха.

- Твой отец всегда отличался жутким упрямством и считал, что лучше других знает, что им нужно для счастья. Он и тебя старался уберечь от ошибок, хотя и делал это не самым лучшим способом. А когда осознал свои ошибки, так и не нашел в себе силы в них признаться.

Чиэко долго думала, стоит ли сейчас рассказывать сыну об одной из последних просьб Рэна, но, взвесив все “за” и “против” решила не откладывать это на неопределенный срок, посчитав, что и так было потеряно слишком много времени.

- Рэн пообещал лишить тебя наследства, а от своих слов, как ты знаешь, он не отказывался никогда. Ему не позволяла его глупая гордость. Но чтобы он там ни говорил, он не переставал считать тебя своим сыном. Незадолго до своей смерти он открыл на мое имя счет, с формулировкой, “если я лишаю наследства сына это не означает, что я не стану поддерживать своих возможных будущих внуков”. На самом деле он хотел, чтобы я решила, когда и как передать тебе эти деньги, и могу сказать, что там очень приличная сумма.

Чиэко не знала, какое впечатление ее слова произведут на Тору. Все-таки их отношения с отцом были более чем непростые, и сын запросто мог заявить, что никакие деньги ему не нужны, как и невысказанные отцовские сожаления. Но она все равно пыталась донести чувства Рэна, которые не смог он сам, в надежде, что Тору окажется все же меньшим упрямцем, чем его отец.

Тору Мотидзуки

Когда мать задала ему вопрос об отцовском доме, Тору даже и думать не мог, что тот выльется в откровения, переворачивающие его реальность с ног на голову. Конечно, он догадывался, что Мотидзуки Рэн, несмотря на свой непростой характер, не мог окончательно отказаться от родного сына, но эта его нелепая попытка обойти собственную гордость, преплетя несуществующих внуков... Это было так по-детски, что хотелось то ли смеяться, то ли плакать, понимая, что их извечные споры с отцом походили на возню двух детей из-за сломанной игрушки, которую непонятно, кто сломал, но каждый пытается обвинить другого, не желая признавать свою ошибку. И все могло бы быть не так печально, не затянись это на такой долгий срок и не

закончись смертью одного из спорщиков...

Выжидающий взгляд матери словно пронизывал насквозь, но он не знал, что ей сказать. Любой его комментарий звучал бы глупо и не мог выразить всего хаоса охвативших его чувств. Здесь были и обида, и сожаление, и стыд, и злость на отца и на себя самого, за то что он так долго позволял себе играть роль обиженного ребенка...

Чувствуя, что не может посмотреть матери в глаза, Тору начал водить взглядом по висящим на стене фотографиям. Все они были сделаны в любимом отцовском баре, в котором он с юности отмечал все свои профессиональные достижения с членами своей семьи. Сначала рядом была только мать, затем начали появляться старшие братья, а на паре фотографий умудрился засветиться даже он сам. Большинство из этих снимков Тору прекрасно помнил, а вот пара последних была сделана за время его отсутствия, хотя один выглядел так, словно отражал события не менее чем десятилетней давности.

- А это когда было? - Тору понимал, что должен сказать хоть что-то, поэтому решил задать нейтральный вопрос, указывая рукой на фото, происхождение которого его, по большому счету, особенно не волновало. Но обсуждение старых снимков казалось ему не столь болезненным, чем необходимость признавать свои ошибки или решать вопрос неожиданно свалившихся на его голову финансов.

Путеводная Нить

Смятение сына, даже несмотря на все его попытки скрыть накатившие эмоции, бросалось в глаза и вызывало жалость. Чиеко не относилась к числу людей, получающих удовольствие от чужих терзаний, даже если те, в какой-то мере, были сами в них виноваты. Она бы хотела все упростить постараться избавить Тору от лишней душевной боли, но, к сожалению, осознание вещей, на которые долгие годы не обращал внимания, обычно проходило болезненно и оставляло после себя ощутимый след.

Вопрос сына про одну из висящих на стене фотографий, заставил Чиеко на несколько секунд устало прикрыть глаза. Она понимала желание Тору переключиться с тяжелой для него темы на что-то другое, но, в своей попытке сбежать от накативших сожалений он выбрал худший из возможных вариантов. Хотя, наверное, кто-то свыше решил, что если уж и бить по больному, то сразу всеми возможными способами.

- Тебя удивляет, что она уже достаточно старая, а ты ее не видел? - Чиеко бросила взгляд на снимок, на котором красовались два поколения семьи Мотидзуки: она сама с Рэном, Рюхей с Фуэми и Шотаро с Мизуки. - Она была сделана незадолго до твоего отъезда из Японии. Здесь мы отмечали открытие собственной небольшой фабрики, и это было очень значительным событием, поскольку до этого мы работали с местными и, как ты помнишь, у нас временами возникали недопонимания.

Чиеко пристально посмотрела на сына, пытаясь понять, навевают ли ее слова хоть какие-то воспоминания и, по его взгляду убедившись в обратном, продолжила.

- Рэн тебя тоже звал, но ты сослался на занятость. Он до последнего переносил этот день, надеясь, что ты все же приедешь, но ты так и не появился... - Чиеко снова ненадолго замолчала, чтобы набраться смелости и сказать самое главное. - Недели через полторы после того, как был сделан этот снимок, он тебе позвонил и сказал, что ты больше не являешься частью семьи Мотидзуки...

Чиеко с трудом подавила очередное желание отвести глаза, чтобы не видеть выражение лица сына и застывшую в его глазах боль. Наверное, ей больше не стоило ничего говорить, позволив ему остаться наедине со своими мыслями и “переварить” все то, что копилось долгие годы и выплеснулось за один раз. Поэтому она просто направилась к выходу из кабинета, остановившись на минуту у двери, чтобы добавить несколько важных слов:

- Ты здесь не гость, поэтому можешь оставаться, а можешь уходить, когда захочешь, это твое право.

И как бы ей не хотелось сделать или сказать что-то еще, Чиеко вышла и прикрыла за собой дверь, с огромным трудом делая каждый шаг своими словно налившимися свинцом ногами. Она не могла предугадать последствия сегодняшнего разговора, но жизненный опыт подсказывал ей, что она поступила правильно, решив его прервать на таком болезненном для всех моменте.

Тору Мотидзуки

И снова он ошибся, задав вопрос, ответ на который не был готов услышать. Когда Тору спрашивал о фотографии, она являлась не более чем изображением очередного семейного сближения, в которых он ненавидел принимать участие, а оказалось, что именно с нее и начался этот период отчуждения, продлившийся более десяти лет. И, самое забавное, что Тору даже не помнил этого приглашения и своего отказа, которые, наверное, проходили в стандартной форме “ты должен быть тогда-то и там-то” и “я занят”. Настолько обыденной, что он даже не посчитал это важным, не догадавшись связать эту ситуацию с последовавшим за ней звонком.

Тору был благодарен матери за то, что она догадалась уйти и оставить его одного. Сейчас он бы не смог продолжать разговор, чувствуя, как его охватывает злость от всей нелепости длящегося долгие годы непонимания и отсутствия возможности хоть что-нибудь исправить. Наверное, еще никогда в своей жизни, Тору не чувствовал себя таким злым и беспомощным одновременно.

- Глупый, упрямый старик! - его кулак замер в несколько сантиметрах от поверхности отцовского письменного стола, являющегося предметом особой гордости Мотидзуки Рэна. - Почему, если ты хотел меня видеть, то просто не мог об этом сказать? Что тебе принесла эта твоя никчемная гордость?

Конечно, ответа на свои вопросы Тору так и не получил и, чувствуя, как стены отцовского кабинета начинают на него давить, мешая свободно дышать, решил покинуть и его, и этот дом, где все было словно пропитано бесконечными сожалениями и напоминало, что потерянное время невозможно вернуть назад.

Он не помнил, как вышел из дома, как добрался до остановки, как сел в автобус, собираясь вернуться к Яреци... Но когда сознательное состояние к нему вернулось, он уже никуда не ехал, а стоял посередине улицы, бессмысленно таращась на первый из открытых отцом магазинов, в котором не был уже много лет, и желание посетить который, заставило его вылезти из автобуса и найти в себе силы, чтобы погрузиться в мир своего детства.

Тору Мотидзуки

Магазин не сильно изменился с тех пор, как он посещал его последний раз: все то же небольшое уютное помещение, правда заметно посвежее после последнего ремонта, тот же запах новой мебели и те же семейные фотографии на стенах, которые отец считал своим долгом развесить чуть ли не в каждом месте, имеющем отношение к семье и семейному бизнесу. На интерес со стороны продавцов, Тору сообщил, что хочет просто осмотреться и ткнул пальцем в одну из фотографий, на которой красовалась его собственная хмурая физиономия, наблюдая за тем, как недовольные лица консультантов становятся удивленными. Но больше к нему никто не подходил, ограничиваясь перешептыванием за его спиной, на которое он решил не обращать внимания.

Сколько бы Тору ранее не говорил нелестных слов по поводу семейного бизнеса, он не мог отрицать, что запах мебели ему нравится, навевая приятные детские воспоминания, когда этот магазин казался ему каким-то волшебным местом, полным больших и красивых вещей. А еще ему всегда нравилось проводить рукой по деревянным поверхностям, пытаясь угадать, где именно росло дерево, из которого был сделан тот или иной предмет или какой-то отдельный элемент.

Сейчас его внимание привлек стол, очень похожий на тот, что стоял в кабинете отца, только более современный и сделанный, судя по всему, как раз на той самой фабрике, праздник по поводу открытия которой он пропустил. Тору осторожно коснулся его поверхности пальцами и провел небольшую дорожку, сосредотачиваясь на ощущениях. Даже его скромного опыта хватало, чтобы понять - стол сделан по самым высоким стандартам качества, ценимым Мотидзуки Рэном как ни что другое.

- Отец, это действительно очень хорошая мебель...

Тору повернул голову и уперся взглядом в дамский столик с зеркалом. Собственное помятое и взлохмаченное отражение заставило его усмехнуться и вспомнить, как отец, из-за прически постоянно звал его то разбойником, то девчонкой, тем самым окончательно уничтожая возникающие время от времени мысли о необходимости постричься. А ведь казалось бы, какая мелочь - отрезать волосы, которые он и отрастил-то назло отцу... И не было бы части глупых скандалов, нередко возникающих просто из-за того, что он не вовремя попался на глаза, и в очередной раз разозлил отца своим видом...

Решение пришло быстро и, как и все внезапные порывы, захватило полностью. Он больше не мог поговорить с главным упрямцем их семьи и попросить у него прощение, но в его силах было выполнить хотя бы одно его желание, продемонстрировав, что он, наконец, услышал отца, даже пусть для этого и должно

было пройти немало лет.

Тору Мотидзуки

Как это нередко бывает с импульсивными решениями после их воплощения в жизнь, ты начинал задумываться, а стоило ли это вообще делать. Когда из зеркала на него посмотрел незнакомый человек, Тору внутренне содрогнулся, припоминая, что планировал добиться немного другого результата. Он хотел признать свои ошибки, но при этом не желал меняться, считая, что большинство принятых им решений были верными. Да и отец, наверное, не сильно бы обрадовался, увидев вместо своего упрямого сына, кого-то совсем другого, пусть и более покладистого и способного терпеть его придирки.

Следующая идея оказалась еще хуже предыдущей, но эмоции продолжали разливаться рекой, а рядом не было никого, кто мог его остановить, так что очень скоро его левое ухо украсилось небольшой сережкой-гвоздиком - символом извечного собственного мнения даже при общем смирении. Конечно, об этом поступке Тору тоже пожалел не более чем через полчаса, но что-то поменять уже не имелось возможности, поэтому оставалось только смириться с собственной глупостью, совершенно неподходящей для почти сорокалетнего мужчины и надеяться, что Яреци его не убьет, когда он в таком виде завалится домой.

Последним пунктом его богатой культурной программы стал любимый бар отца, в котором тот любил отмечать все свои профессиональные достижения с семьей. Конечно, ни одно заведение не продержалось бы столько лет, но даже закрываясь, меняя владельца и представляя через некоторое время в новом виде под новым названием, оно снова возрождалось, умудряясь сохранить частичку былой атмосферы, за что вероятно и было столь любимо отцом.

После очередного ремонта внутренняя обстановка показалась Тору совершенно незнакомой, но это не помешало ему почувствовать, будто он был в этом баре уже много раз. Практически все столики оставались свободными, так что Тору без проблем занял тот, который располагался в месте, напоминающем увиденное на фотографии, заказал нихонсю средней ценовой категории, поскольку отец не любил западных напитков и, на удивление бармена, попросил две стопки.

Когда заказ был выполнен, Тору разлил напиток по стопкам и постарался представить, что отец, каким он был около десяти лет назад, сидит напротив, хотя при жизни Мотидзуки Рэн никогда не ходил по подобным заведениям вдвоем с младшим сыном.

- Отец...- Тору поднял свою стопку и крепко сжал ее в руке, - я пришел... Поздравляю тебя с открытием фабрики. И прости... что я так сильно опоздал.

Забытый за долгое время вкус заставил его плотнее сжать губы, стараясь сохранить на них оставшиеся крохотные капельки и прикрыть глаза в безумной попытке запечатлеть в памяти придуманный им самим образ, чтобы поверить, что нечто подобное действительно было, и напротив него сейчас не находилась равнодушная пустота, напоминающая об упущенном навсегда времени...
